

Н. Б. Лебина¹

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В XX в.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

История повседневности — тема ныне, несомненно, модная. Однако ее разработка, в частности применительно к Петербургу, по сей день вызывает немалые трудности. В изданиях, так или иначе вынужденных отражать историю города в XX в., мелькают одни и те же сюжеты: революция, блокада, путч 1991 г. и др.

Для действительно научного осмысления истории Петербурга необходимо, прежде всего, внедрить в процесс его исследования современные методы и подходы, уже широко применяемые историками. Это связано с выделением проблемы городской повседневности XX в. как некой специфической сферы.

Выход на аналитический уровень осмысления фактического материала по истории Петербурга в XX в. возможен при рассмотрении города как некоего социального организма. В данном случае анализу должны быть подвергнуты в комплексе архитектурно-планировочные особенности Петербурга, характеристики количества и качества населения и черты образа жизни. Последнее особенно важно. Ведь город, по выражению французского математика XVIII в. Ж. Озанама, «это скопление многих смежных домов и многих граждан, которые живут по одним и тем же законам». В данном случае в первую очередь речь идет о специфике бытового поведения. При подобном подходе к истории Петербурга намечаются пути сближения локальной краеведческой проблематики с социальной историей и, в частности, с историей повседневности. Повседневность ныне рассматривается как одно из пространственно-временных измерений развертывания исторического процесса, как форма протекания человеческой жизни. Применительно к истории города представляется наиболее перспективным выделение таких сфер повседневности, как жилье, питание, одежда, досуг, транспорт. Выделение данных структур повседневности в исторической ткани жизни Петербурга позволит углубить интеграцию научных знаний о нем.

Модная проблематика истории повседневности, действительно, находится на гребне научного знания, когда ею занимаются профессионалы. Именно они применяют здесь новые методики научного исследования. Изучение городской повседневности в XX в. в целом и петербургской в частности настоятельно требует новых подходов, является особой сферой не только исторических реалий, но и научного знания, ибо в распоряжении исследователя имеется весьма специфический корпус источников. Прежде всего, его характеризует огромный объем. Это материалы петербургских архивов, в особенности по советскому периоду, требующие осмысления и обработки. Создается впечатление, что упорное нежелание написать действительно научную историю Петербурга в XX в. связано со страхом пе-

ред необходимостью работы с источниками, среди которых есть большое количество документов массового характера, пригодных для формализации и статистической обработки.

Именно на материале XX в. с наибольшей продуктивностью можно и нужно использовать новые методы исторического исследования. Ныне для изучения петербургских реалий довольно активно используется методика устной истории. Сравнительно недавно группа российских и финских историков осуществила проект, в ходе которого было проведено интервьюирование ленинградцев — современников 1930-х гг. Опираясь на собранные данные, исследователи попытались реконструировать облик «старых» и «новых» горожан, разделение на которых произошло в период бурных миграционных потоков 1930-х гг. Ученые из Санкт-Петербургского европейского университета проводят программу интервьюирования бывших блокадников с целью выяснения деталей экстраординарной повседневности города в 1941–1944 гг. Я попыталась осуществить мини-проект по истории повседневной жизни в эпоху хрущевских реформ, опросив академическую группу студентов I курса Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.

Материалы устной истории, несомненно, являются ценным источником, однако требующим жесткой критики. Большое внимание вызывает вопросник для интервью. Здесь историкам повседневности огромную помощь могут оказать практики социологов, отработанные еще в 1960-х гг., отмечавшие научную бестактность вопросов, заранее определяющих ответ респондента. Кроме того, как представляется, опросы могут скорее помочь реконструировать современный дискурс о прошедшем времени, нежели историческую реальность.

В связи с этим в предпринятом мною опросе я поставила целью выявить отнюдь не бытовые реалии 1960-х гг., о которых, безусловно, невозможно спрашивать современную молодежь. Меня больше интересовала иерархия семиотических признаков повседневности времени хрущевских реформ, так называемый дискурс, связанный с эпохой «оттепели».

Еще более перспективной с точки зрения интеграции научных знаний о повседневности Петербурга в XX в. является методика микроисторического исследования. Она, как представляется, наиболее удобна для проверки корректности той или иной гипотезы, поскольку устанавливает ее способность «работать» и на макро-, и на микроуровне.

Микроистория, по словам российской исследовательницы Л. П. Репиной, предполагает «перспективу последующего возвращения к генерализации на новых основаниях», что может быть важным для достижения нового уровня в петербурговедении. Так, в петербургском краеведении имеется значительный «материальный задел» в сфере изучения отдельных зданий в городе, которые, безусловно, могут явиться объектом микроистории.

¹ Профессор кафедры истории России и зарубежных стран Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор исторических наук.

Совершенно очевидно, что посредством микроисторического исследования можно проследить, например, такие важные вопросы, как деформация принципов эгалитаризма в сфере повседневности, декларируемые большевистской партийной верхушкой монолитность новых партийных элит в социально-бытовом аспекте, а также этапы социально-пространственной сегрегации в Петрограде–Ленинграде 1920–1930-х гг. Попытка такого исследования была проведена автором данной статьи на материалах дома 26/28 по Каменноостровскому проспекту; результаты были закреплены в ряде публикаций.

В ходе микроисторического анализа были использованы самые разнообразные источники. Так, например, для опровержения популярнейшего петербургского мифа XX в. о том, что С. М. Киров якобы не только вытеснил Г. Е. Зиновьева со всех политических постов в Ленинграде, но и въехал в его квартиру в доме 26/28 по Каменноостровскому проспекту, оказалось необходимым проанализировать и «мебельные дела» (плод деятельности работников жилищного подотдела Отдела коммунального хозяйства при Исполнительном комитете Совета Петроградской стороны), и «Анкеты для граждан, проживающих в бесхозных квартирах», и домовые книги. Значительную ценность для уточнения мест проживания партийно-советской номенклатуры представляли списки налогоплательщиков Ленинградского губернского (областного) финотдела, которые ранее никогда не использовались исследователями.

В результате удалось развеять очередной миф. Г. Е. Зиновьев с апреля 1924 г. числился в квартире 118, на втором этаже 9-й лестницы дома 26/28. Именно здесь до приезда Кирова расположились «первые люди» Ленинграда. С. М. Киров же поселился на четвертом этаже 2-й парадной в квартире 20, где до этого времени не проживали представители партийно-советской номенклатуры города.

Данная деталь дает определенные основания для размышлений о том, что большевики вовсе не чурались метода социально-пространственной сегрегации населения для осуществления своих целей. С определенной долей уверенности можно сказать, что в 1918–1922 гг. в жилом комплексе на Каменноостровском проспекте появились четкие однородные зоны расселения. Гомогенность в данном

случае обеспечивалась принципами классового деления петроградского социума. Эта сегрегационная политика повторяла дореволюционную с точностью до наоборот. В 1923–1930 гг. в условиях частичной демуниципализации жилья сегрегация не выглядела столь явно, как в годы Гражданской войны и «военного коммунизма», хотя представители властных структур стремились формировать некие микромоделли будущей системы расселения горожан в соответствии со складывающейся иерархией социальных слоев социалистического государства. В 1930–1940 гг. иерархия пространства сформировалась полностью. Произошло резкое пространственное обособление представителей узкого элитарного слоя советского общества.

Любопытным полем для постановки микроисторического исследования повседневности в XX в. может служить дом 7 на улице Рубинштейна, знаменитая «Слеза социализма». В 1930-е гг. здесь была осуществлена попытка создания полностью гомогенной зоны расселения в специально построенном здании. Социальное дисциплинирование в данном случае приобрело наиболее законченные формы именно благодаря особой организации пространства — общая столовая, общая комната отдыха, общая вешалка. Однако на сегодняшний день источниковая база возможного исследования представляется недостаточной из-за невозможности обнаружить домовые книги «Слезы социализма».

Более благоприятным в источниковом отношении выглядит еще один яркий объект для микроанализа закономерностей советской городской повседневности — дом 2 на 7-й линии Васильевского острова, известный как «Дом академиков». Для исследования в данном случае можно привлечь частично сохранившиеся домовые книги, справочники — ежегодники по АН СССР, а также нарратив — дневники Г. А. Князева. Даже поверхностный анализ этих источников позволяет констатировать, что советская власть не всегда разрушала те зоны гомогенного расселения, которые сложились в Петербурге до революции.

Подводя краткий итог размышлениям о проблемах изучения городской повседневности в XX в., необходимо отметить, что путем выхода на новый уровень развития городского ведения может явиться использование новейших методик исторического исследования.

¹ Сцена. 1908. № 59 (20 окт.). С. 20.